

6. *От redaktsii Tambovskikh eparkhial'nykh vedomostei* [From the editorial board of the Tambov Diocesan Journal]. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Diocesan Journal], 1872, no. 24, pp. 589-590. (in Russian)

7. *Spisok svobodnykh svyashchenno-tserkovno-sluzhitel'skikh mest Tambovskoi eparkhii* [List of vacant sacred, church and clerical places of the Tambov diocese]. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Diocesan Journal], 1890, no. 17, pp. 426–428. (in Russian)

УДК 27

РЕЛИГИОЗНОСТЬ БЕЖЕНЦЕВ, ПРОЖИВАВШИХ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: 1914–1918 ГОДЫ

Левин Олег Юрьевич

магистр религиоведения, старший
преподаватель кафедры библеистики,
богословия и церковной истории
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: eshten@gmail.com

Для цитирования: Левин, О. Ю. Религиозность беженцев, проживающих на территории Тамбовской губернии в период Первой мировой войны: 1914–1918 годы // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2021. № 3 (16). С. 107–123. DOI: 10.51216/2687-072X_2021_3_107.

Аннотация

Статья посвящена вынужденным переселенцам Первой мировой войны, которые обрели свое новое место жительства на территории Тамбовской губернии. Предполагалось, что период беженства надолго не затянется, однако он растянулся на многие годы. Люди жили в тяжелых условиях, без средств к существованию, вырванные из своей обычной среды. Но и оказавшись в неблагоприятных обстоятельствах, беженцы продолжали получать религиозное окормление со стороны духовенства Тамбовской епархии. После революции 1917 года, когда части бывшей Российской империи стали обретать независимость и появились такие государства, как

Польша и Литва, беженцы получили статус репатриантов. Правительства новообразованных государств проводили тщательный отбор среди них, стараясь сделать так, чтобы на территорию этих стран не попадали неблагонадежные лица. Это еще больше затянуло процесс возвращения беженцев на родину, а кто-то вынужден был остаться в России навсегда. Религиозность беженцев в этот период сложно оценить, так как в условиях гражданской войны и открывшихся гонений на Церковь духовенство не могло в полной мере организовать их духовное окормление.

Ключевые слова: Тамбовская епархия; Первая мировая война; беженцы; комитеты беженцев; национальные комитеты; репатрианты; духовенство.

Первая мировая война – один из крупнейших военных конфликтов истории человечества, в который были вовлечены 34 из 59 стран планеты: «Население участвовавших в ней государств превышало один миллиард человек, что составляло 67% населения земного шара. Число мобилизованных достигло 66 миллионов человек» [2, с. 21]. Масштабы разрушений, количество жертв достигли небывалых размеров.

Неизбежным следствием войны были беженцы, движение которых сравнимо только с массовым перемещением целых народов. По оценке исследователя Л. И. Лубны-Герцыка, в Российской империи в период 1915–1916 годов насчитывалось более трёх миллионов беженцев, которые осели в центральных районах страны, а также в Сибири, Средней Азии, Предкавказье [2, с. 23].

В первые месяцы войны поток беженцев не был столь интенсивным. В это время люди, покидая свои города и села, останавливались в прифронтовых селениях, ожидая, когда враг будет изгнан из их родных мест и можно будет вернуться. Все изменилось в 1915 году, когда «в начале июня Ставка пошла на крайнюю меру: войска получили приказ о том, что оставляемая неприятелю территория «должна быть превращена в пустыню, то есть очищена – как от населения, так и от всего того, что могло составить для врага известную ценность»¹.

По всей линии фронта началось принудительное выселение крестьянства, в первую очередь мужчин призывного возраста от 17 до

¹ Журналы заседаний губернского совещания и Тамбовского губернского комитета помощи беженцам декабря 1915 г. Тамбов, 1916. Вып. 3. С. 19.

45 лет, чтобы сохранить кадры для пополнения армии и лишить врага трудовых ресурсов. Выселение мужчин шло и при «очищении Галиции», «кроме евреев», которых запретили увозить в Россию. Одновременно у сельского населения, включая жителей Галиции, реквизируются запасы продовольствия. Если излишки продуктов «не могут быть вывезены», их следовало «уничтожить». Кроме того, военное командование отдало распоряжение реквизировать и «отправлять в тыл весь скот», «уничтожить посевы косью и т. п.»².

Тамбовская губерния оказалась в числе тех, кто принимал поток беженцев. На 11 ноября 1915 года число беженцев достигло 124259 человек³. А на 1 января 1916 года – 127251 человека⁴. По национальной принадлежности беженцы распределялись следующим образом (Таблица 1):

Таблица 1. Национальная и половая принадлежность беженцев

Национальная принадлежность	Мужчины	Женщины
Русские	41534	51281
Малороссы	1143	1197
Литовцы	707	1197
Поляки	8600	9989
Немцы	228	383
Латыши	590	634
Белорусы	173	653
Евреи	2379	3029
Прочие	1210	1575
Всего	56564	70687
из них детей	2472	24803

² Курцев А. Н. Беженцы первой мировой войны в России. URL: <http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-voyny-v-rossii/> (дата обращения: 14. 04. 2015).

³ Журналы заседаний губернского совещания и Тамбовского губернского комитета помощи беженцам декабря 1915 г. Тамбов, 1916. Вып. 3. С. 20.

⁴ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 9436. ЛЛ. 465–466.

Таблица показывает, что большая часть беженцев по национальной принадлежности были русскими, соответственно и религиозная принадлежность их определялась как православные.

Обустройством быта беженцев занимались губернское совещание и губернский комитет по устройству беженцев. В апреле 1916 года руководство было централизовано – все сосредоточилось в руках губернского совещания, губернский комитет был ликвидирован. Помимо этих центральных органов, существовали, как бы сейчас сказали, и волонтерские: например, Тамбовский Общественный комитет помощи пострадавшим от войны. Немалую роль играли и национальные комитеты: Польский, Литовский, Еврейский. Деятельность Еврейского комитета оценивалась высоко, так как он «прекрасно организовал дело и пока не воспользовался ни копейкой из Общественного комитета»⁵. Польский комитет также вел работу успешно и даже где-то пытался создать для поляков особое положение в губернии. Это видно из дела по поводу отпуска лекарств из Араповской амбулатории. В июне 1916 года председатель Польского комитета обратился в губернский комитет со следующей просьбой: «От имени больных беженцев стали поступать жалобы, что Араповская амбулатория очень часто не отпускает, по неимению, многих медикаментов, прописанные врачами лекарства, в сем последнем случае Комитет принужден сноситься с Общественным комитетом об отпуске лекарств по рецептам комитетского врача из 1-й городской аптеки. Комитет просит губернский Комитет сделать надлежащее предложение первой городской аптеке об отпуске по рецептам врача с печатью Польского Комитета больным беженцам полякам с отнесением по сему предмету на счет земства»⁶. Общественный комитет объяснил, что установленный порядок выдачи лекарств вполне законен и разумен и нет нужды его менять, кроме того, здесь давались необоснованные привилегии полякам перед другими беженцами, что было недопустимо⁷.

В целом Тамбовская губерния справилась с приемом и размещением беженцев, что отметил и Главноуполномоченный по

⁵ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

⁶ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 7. Л. 188 об.

⁷ Там же. Л. 189.

устройству беженцев внутри империи И. И. Стерлигов на заседании Тамбовского губернского совещания по устройству беженцев 17 декабря 1915 года: «В Тамбовской губернии все трудности в этом чрезвычайно тяжелом деле были преодолены благодаря распорядительности местной администрации и сочувствию всех общественных сил губернии. <...> Благодаря такой солидарной работе пребывающие десятками тысяч беженцы были быстро накормлены и значительная часть их также быстро размещена среди местного населения, или временно размещались в приспособленных помещениях»⁸.

Приняв почти 130000 беженцев, Тамбовская губерния занимала в «этом отношении одно из первых мест среди других губерний»⁹, но при этом в конце 1916 года губернное совещание по устройству беженцев констатировало факт, что «дальнейший их прием не желателен»¹⁰.

Беженцев в основном размещали в сельской местности, только небольшую часть – в городах. Предполагалось, что там будет гораздо проще найти работу, так как в сельском хозяйстве всегда требуются рабочие руки, однако это оказалось не совсем так. На 1 января 1916 года из всего такого огромного количества беженцев трудоустроено было только 3626 человек¹¹.

Через комитеты и общественные организации беженцам поступала правительственная помощь, так называемые пайки. Для Тамбовской губернии были установлены следующие нормы пайков: 20 копеек в сутки на продовольствие и 2 рубля в месяц на квартиру (в сельской местности 1, 20 рублей)¹². Нуждающимся выдавалась одежда. Правительство рассчитывало, что в течение года большая часть беженцев трудоустроится, и уже к середине 1916 года наметило существенное сокращение пайков (до 50%). Это вызвало обеспокоенность местных деятелей помощи беженцам. Губернским совещанием была послана делегация в Петроград в Особое Совещание с тем, чтобы походатайствовать не идти

⁸ Журналы заседаний губернского совещания и Тамбовского губернского комитета помощи беженцам 17 декабря 1915 г. Тамбов, 1916. Вып. 3. С. 4.

⁹ Журнал Тамбовского губернского совещания по устройству беженцев, состоявшегося 16 декабря 1916 года. Тамбов, 1917. Вып. 8. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9436. ЛЛ. 465–466.

¹² Журнал заседаний Тамбовского губернского совещания по устройству беженцев 16–17 апреля 1916 г. Тамбов, 1916. Вып. 6. С. 11.

на такую меру, но поездка эта успеха не имела, как сообщили делегаты совещанию: «Все возражения против нашего ходатайства базировались на утверждении, что беженцы уже ассимилировались на местах и могут зарабатывать личным трудом. На каких данных построена эта уверенность, нам сообщено не было»¹³. В декабре 1916 года планы правительства стали меняться, об этом председатель совещания сообщил на одном из заседаний его, не преминув заметить и об особой осведомленности по этому вопросу Польского комитета: «Между тем по полученным мною сегодня от председателя Польского комитета, как всегда, более, чем общегубернские, осведомленного в том, что делается в Особом Совещании, уже имеется в виду пересмотр пайковых и квартирных норм в смысле их увеличения»¹⁴.

Тем не менее размер финансирования все же сокращался. Кроме того, принимались решения и о том, кто такую помощь может получать. Губернатор вынужден был обратиться к беженцам посредством печатной листовки, которая распространялась по всей губернии. Листовка датирована 11 ноября 1916 года, в ней, помимо прочего, говорилось: «Правительство отдало распоряжение, чтобы помощь оказывалась только действительно нетрудоспособным беженцам и детям до 14 лет, а также тому из трудоспособных членов семьи, который по необходимости должен оставаться дома за надзором за малолетними детьми или нетрудоспособными членами семьи»¹⁵. Губернатор призывал беженцев «помогать правительству, лучшая помощь будет заключаться в том, чтобы всякий, кто может трудиться и сам, не рассчитывать на даровую казенную помощь»¹⁶. Уездные комитеты, как и национальные, ужесточили отбор тех, кому оказывалась помощь. Губернатору стали поступать жалобы. Он, как правило, поручал разбираться с этими жалобами тем же местным и национальным комитетам. Беженка Анна Михайльюнис, живущая с мужем – инвалидом войны, которому нужна была помощь, 15 июня 1916 года жаловалась на Литовский

¹³ Журнал Тамбовского губернского совещания по устройству беженцев, состоявшегося 16 декабря 1916 года. Тамбов, 1917. Вып. 8. С. 2–3.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ ГАТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 7. Л. 256.

¹⁶ Там же.

комитет, отказавший ей в пособии. Из комитета ответили, что «Михайльюнис 21 год, трудоспособная, а положением не предусмотрено, чтобы трудоспособным членам семьи при нетрудоспособном же взрослом полагалось пособие»¹⁷. Так что жалоба Михайльюнис осталась без последствий.

В другом случае беженка Эмилия Ивановна Селиванович, проживающая в Тамбове, обратилась с жалобой на Польский комитет, потому что ей перестали выдавать паек, так как она повредила беженскую книжку. Селиванович в комитете уличили в обмане. Выяснилось, что она в книжке «перешла страницы так, что та страница, где имелись записи о выдаче одежды, оказалась на конце. В этой странице Селиванович вычистила все записи о количестве выданной одежды, очевидно с целью получения таковой вновь»¹⁸. Женщине отказали восстановить паек и это при том, что в семье у Селиванович было трое малолетних детей и один из них грудного возраста.

Из уездов также поступали сведения, что беженское население старается всеми путями избежать сельскохозяйственных работ и обходиться казенными пайками. Так, председатель Курдюковского комитета священник Владимир Богоявленский в ответ на жалобу группы беженцев о том, что их детям не выдают паек, сообщал в уездный комитет, что «дети означенных беженцев лишены пайка по постановлению общего собрания от 11 мая с/г как трудоспособные, но уклоняющиеся от с/х работ»¹⁹.

Масса населения, переселившаяся в принудительном порядке из родных мест в столь отдаленные от родины районы в надежде, что это временное состояние, полагала, что задача правительства, которое и вынудило их переселиться, – обеспечить их всем необходимым.

По религиозной принадлежности большинство беженцев принадлежало к православным, но было много и католиков, что вызывало беспокойство правительства, подозревавшего, что при таком наплыве римо-католиков возможна пропаганда с их стороны сре-

¹⁷ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 7. Л. 297а.

¹⁸ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 7. Л. 333.

¹⁹ Там же. Л. 379.

ди православного населения, что чревато переходом в католицизм последних. Из Департамента духовных дел 31 мая 1916 года всем губернаторам было направлено циркулярное письмо с грифом «Совершенно секретно», в котором говорилось о проникших в прессу слухах об «увеличивающейся на местах римско-католической пропаганде, массовом устройстве тайных польских школ и тому подобным незакономерным выступлениям отдельных лиц и партий»²⁰. То есть опасались усиления не только религиозного прозелитизма среди православных, но и усиление националистических настроений среди поляков. От губернаторов в этом циркуляре требовалось: «Во 1-х, сведения о числе и группировке беженцев римско-католического исповедания, во 2-х, имеются ли указания на пропаганду среди православного и униатского населения со стороны римско-католического духовенства и национальных организаций и какие именно, в 3-х, Ваше заключение о том, в каком количестве действительно нужно бы командировать к ним духовных пастырей»²¹. Тамбовский губернатор ответил на этот циркуляр только 17 августа 1916 года, заверив Департамент: «Во вверенной мне губернии какой-либо пропаганды, как со стороны римско-католического духовенства, так и представителей национальных организаций и прочих лиц, среди православного и униатского населения не замечалось. За 1915—1916 годы было лишь два случая возбуждения ходатайства о переходе в католичество, причем по одному из них ходатайство сообщено инославному духовенству, но перешло ли это лицо в католичество неизвестно, а по-другому продолжается увещевание переходящего»²². Губернатор назвал количество беженцев римско-католического вероисповедания; по его сведениям, оно равнялось 18600 человек²³.

Стоит еще раз подчеркнуть, что беженское движение в России было очень масштабным и по преимуществу принудительным. Никакая другая воюющая страна не имела такого количества беженцев. Люди, потеряв свой кров и оказавшись в непростых обстоятельствах, имели большую нужду прежде всего в религиозном

²⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9436. Л. 458.

²¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9436. Л. 458.

²² Там же. Л. 459.

²³ Там же. Л. 459 об.

окормлении. В 1916 году с целью религиозной поддержки своей рассеянной по стране паствы своеобразное турне совершил викарий Холмской епархии епископ Бельский Серафим (Остроумов). 21 июня 1916 года он посетил с. Ново-Александровка Козловского уезда, где проживало большое количество беженцев из Холмской епархии. Прибыл он для того, чтобы «преподать духовное утешение своим рассеянными чадам, помолиться вместе с ними и вместе с ними поплакать о далеких родных местах, попорванных и разоренных беспощадным врагом»²⁴. Как описывают очевидцы этого события, проезд епископа произвел глубокое впечатление на беженцев и «весь этот серый люд, потерявший все свое достояние, а многие и близких родных, тесным кольцом окружал архипастыря и действительно плакал, слушая живые сердечные речи Владыки»²⁵.

Тамбовская епархия не была в стороне не только в обеспечении религиозных потребностей беженцев, но и их текущих нужд, и наряду с правительственными, общественными и национальными организациями помогала. В 1915 году был создан Епархиальный комитет по оказанию помощи беженцам, во всех уездных городах и крупных железнодорожных станциях открыты его отделения²⁶. Прежде всего комитет озаботился сбором пожертвований, которые выражались и в денежной форме, и в сборе вещей. Всего с 3 сентября 1915 года по 1 января 1917 года было собрано 17103, 53 рублей²⁷. Затем были предприняты меры для размещения беженцев в зданиях, принадлежащих духовному ведомству. В основном это были церковно-приходские школы, церковные дома, а также дома священнослужителей. Только в Тамбове смогли разместить 300 беженцев. Комитет также открыл приюты для детей духовенства, потерявших своих родителей или их не имеющих²⁸.

²⁴ Праздник беженцев // Тамбовские епархиальные ведомости. Тамбов, 1916. № 29. С. 872.

²⁵ Там же.

²⁶ Журнал заседаний Тамбовского губернского совещания по устройству беженцев 16–17 апреля 1916 г. Тамбов, 1916. Вып. 6. С. 950–951.

²⁷ Отчет о приходе и расходе сумм, поступивших в исполнительный комитет по оказанию помощи беженцам // Тамбовские епархиальные ведомости. Тамбов, 1917. № 33. С. 864.

²⁸ Хроники // Тамбовские епархиальные ведомости. Тамбов, 1915. № 42. С. 1112.

Для обеспечения религиозных нужд беженцев архиепископом Тамбовским и Шацким Кириллом (Смирновым) было создано 13 октября 1915 года специальное собрание городского духовенства. Особенно актуален был вопрос с теми беженцами, которые следуют через станцию Тамбов и временно там живут. Их нужды обеспечивал причт Петропавловского храма и Христорождественского собора. Было решено, если в этом появится нужда, «в случае большого скопления беженцев на вокзале, командировать в помощь в известной очереди священников городских церквей»²⁹.

Комитет проявил внимание и к духовенству, которое в статусе беженцев прибывало в Тамбовскую губернию. Им предоставлялись места для служения. Только за 1915 год было определено на места служения 10 священнослужителей, а также четыре учителя церковных школ. Кроме того, в духовную семинарию, духовное училище и епархиальное женское училище были приняты дети духовенства, на родине учившиеся в аналогичных учебных заведениях.

Деятельность епархиального комитета была подобна деятельности организаций помощи беженцам. Как и в национальных организациях, она носила узкокорпоративный характер. В оказании помощи преимущество отдавалось духовенству и членам их семей, т.е. принцип оказания помощи был сословный (в национальных организациях помощь оказывалась лицам одной нации). Об этом свидетельствует, например, такой факт: в 1915 году мещанке Екатерине Самохваловой было отказано в денежном пособии «как лицу не духовного звания».

В 1918 году делами беженцев занялась Центральная коллегия по делам пленных и беженцев³⁰. Исследователи отмечают стремление советской власти к «универсализации беженства» [3, с. 137], т.е. унифицировать работу с беженцами так, чтобы не было организаций по национальному, сословному или иному принципу. В 1920 году Центрпленбеж был реорганизован в Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак), соответственно на местах созданы губэваки и уездэваки [3, с. 110]. Начался процесс возвращения беженцев в родные места, который затянулся

²⁹ Хроники. С. 1112.

³⁰ Декреты Советской Власти. М., 1959. Т. 2. С. 166–167.

на долгие годы. Люди вынуждены были жить в неопределенном положении, без средств к существованию, терпя бедствия и нужду. Подсчитать, сколько в период с 1917 по 1923 год вернулось на родину, сложно, но вот какие выводы делает ученый статистик Лубны-Герцык относительно сельского населения Тамбовской губернии в 1920 году. По сравнению с 1916 годом он приводит следующие цифры: в 1916 году – 2348388, в 1920 году – 2526103, прирост в 177715 человек [2, с. 46]. Лубны объясняет этот прирост тем, что «голодающее городское население спасалось от голода туда, где ему представлялась большая возможность поддержать свое существование; следовательно, либо на родину к родственникам, проживавшим в деревне, либо в те губернии, которые всегда славились обилием продовольствия» [3, с. 47]. Однако сказать, что городское население спасалось в сельской местности от голода, вряд ли возможно, все же часть беженцев, которые по преимуществу жили на селе, осели на местах или, по крайней мере, еще не выехали на родину.

События 1917 года затруднили выезд беженцев. Распад империи привел к возрождению старых государств (Польша) и к созданию новых (Латвия, Литва, Эстония). Речь теперь уже шла не просто о возвращении беженцев на родину, а об их репатриации, причем требовалось согласие на это правительств новых государств. Процесс этот затянулся, тем более что с некоторыми из них, например, с Польшей, Советская Россия находилась в состоянии войны. В 1920 году, помимо беженцев польского происхождения, в Тамбове появились и польские военнопленные. На улице Энгельса для их размещения был создан концентрационный лагерь. В 1920 году здесь содержалось 114 польских солдат, с июля по октябрь к ним присоединилось еще 77 человек³¹. Скорее всего, со временем они были отправлены на родину, а вот коренным жителям тех мест, которые стали частью территории Польши, приходилось нелегко, и возвращение на родину становилось для них единственным выходом. Но новообразованные государства не спешили принять бывших своих граждан, ведь уезжали они, будучи подданными Российского императора, а возвращались в страну, которая не всех хотела видеть в своих пределах. Жизнь многих та-

³¹ ГАТО. Ф. Р394. Оп. 2. Д. 264. ЛЛ. 29–33.

ких беженцев складывалась довольно печально. Так, беженцы из Гродненской губернии, ставшей частью Польши, проживавшие с 1915 года в Шацком уезде, писали в 1922 году в Центрэвак о своем бедственном положении следующее: «Наших земляков давно уже отправили на родину <...>, а нас и не думают отправлять и, видно, совсем про нас забыли. До февраля 1921 г. нам кое-что давали из продовольствия, а теперь не дают ни крошки <...>, и наши дети прямо умирают от голоду и много наших уже умерло <...>). И теперь ходим в одних рваных рубашках. Живем подачками добрых людей <...>. Весною река Сна (скорее всего Цна – прим. автора), возле которой мы теперь живем, – разливается <...>, и мы долго будем отрезаны от проселочных и ж/д дорог. Не имея здесь ни земли, ни скота, ни хозяйства никакого»³². Надо сказать, что в документах этого периода теперь на первое место выходит именно национальная принадлежность беженцев, религия указывается весьма редко, первое становится определяющим в судьбе беженцев после 1918 года.

В фондах государственного архива Тамбовской области сохранились регистрационные карточки польских репатриантов за 1923 год. В них собраны данные о 1817 лицах, которые не во всех карточках полны, где-то не указан возраст или место происхождения, но все же они дают некоторое представление о составе репатриантов-беженцев. Анализируя эти данные, можно прийти к следующим выводам. Среди беженцев в этот период преобладали лица мужского пола (938 человек), из этого числа 846 детей и молодежи в возрасте от 10 до 20 лет, а также работоспособных людей в репродуктивном возрасте от 20 до 50 лет (764 человека). Сравнительно многоимели отказов в репатриации (456 человек), из них евреев – более 50 человек. Создается впечатление, что репатриация была своеобразным механизмом «чистки» чуждого элемента для новых возможностей. Помимо национальных мотивов, была еще одна причина в отказе вернуться на родину – женитьба на местных уроженках. Так было в случае с Водчинским Адольфом Иосифовичем, коренным поляком, уроженцем Седлецкой губернии, попавшем в Тамбов еще до 1917 года, бывшим даже не беженцем, а числившимся в составе 7-го кавалерийского полка, в

³² ГАТО. Ф. Р394. Оп. 2. Д. 457. Л. 18 об.

котором проходил воинскую службу. В 1918 году регентским советом королевства Польского он и все его имущество было внесено «в список лиц, находящихся под покровительством Представительства Регентского Совета Королевства Польского в России». Тем не менее даже такое покровительство не дало Водчинскому никаких преимуществ и ему пришлось остаться в Тамбове на постоянное жительство, так как в 1922 году он женился на портнихе Антоновой Александре Сергеевне. И хотя сам он получил разрешение на выезд, но «отказался от выезда в Польшу лишь за неразрешением на подобный выезд его семье, состоящей из жены и ребенка»³³.

По социальному происхождению большая часть беженцев относилась к крестьянству (1180 человек), практически нет среди них представителей дворянства.

Как и прежде, проблема занятости беженцев оставалась острой. Надежды еще царского правительства на то, что уже через год после эвакуации большая часть беженцев сможет найти себе работу и сама себя обеспечивать, не оправдывались даже в 1923 году. Всего 605 человек смогли найти себе работу (261 занимались хлебопашеством, 121 – служащие, 117 – ремесленники и рабочие, 84 – чернорабочие и 22 занимались торговлей). Впрочем, если брать только беженцев в возрасте от 20 до 50 лет (а их, напомним, было 764), то занятость почти полная. Однако для молодежи проблема занятости по-прежнему оставалась актуальной.

Основная масса беженцев была сосредоточена в Тамбове и уезде (соответственно 512 и 182 человека). Много их накопилось в Борисоглебском уезде (532 человека).

Безусловно, большая часть беженцев вернулась на родину, но можно предполагать, что часть людей от всего потока осела в Тамбовской губернии. Косвенно об этом свидетельствует такой факт: по статистическим сведениям за 1928 год, только по г. Тамбову числилось 1075 белорусов, 1055 поляков и 726 украинцев³⁴.

Надо отметить, что в регистрационных карточках редко указывалась религиозная принадлежность беженцев-репатриантов.

³³ ГАТО. Ф. Р394. Оп. 2. Д. 505. Л. 290.

³⁴ ГАТО. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 246. Л. 17.

Об этой стороне их жизни мы почти ничего не знаем. На первый план в это смутное время выходили иные интересы, в особенности в национальных общинах беженцев, оказавшихся на чужбине и вдруг ставших гражданами других стран. Украинцы-беженцы, проживавшие в Тамбове, узнав о провозглашении Украинской державы, 19 июня 1918 года собрались в помещении Тамбовского комитета помощи беженцам, чтобы «создать в г. Тамбове «Тамбовскую Украинскую громаду», которой поручить содействовать скорейшему возвращению на родину украинцев и защищать интересы всех украинских граждан, подданных Украинской державы, временно проживающих в г. Тамбове и Тамбовской губернии»³⁵. Данную организацию не признали ни местная власть, ни представители Украинской державы в Москве. В городе также имелись национальные организации латышей и поляков.

В завершение проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Первая мировая война явилась причиной массового потока беженцев, которые перемещались во внутренние губернии России. Забота о них ложилась на плечи местной власти разного уровня, а духовное окормление было уделом епархиального начальства, с чем оно успешно справилось. Из-за войны впервые на территории Тамбовской губернии оказалось много католиков (более 18000 человек), что вызывало опасение губернского начальства, однако случаев прозелитизма почти не было. После революции 1917 года, когда к власти пришли большевики, религиозный фактор в жизни беженцев не стал играть уже такой большой роли. На первое место вышли национальные мотивы, так как многие беженцы стали репатриантами, которые очень долго, вплоть до 1923 года, возвращались на родину.

Список литературы

1. Белова, И. Б. Судьба беженцев Первой мировой войны из Западных губерний Европейской России и Польши в Советской России в 1920 году / И. Б. Белова – Текст : электронный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Ка-

³⁵ ГАТО. Ф. Р394. Оп. 2. Д. 29. Л. 2 об.

лининград, 2012. – Вып. 6. Гуманитарные науки. – С. 110–117. – URL:https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/230/sgmzdb-wuqmrr_110-117.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

2. *Лубны-Герцык, Л. И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции / Л. И. Лубны-Герцык ; Госплан СССР. – Москва : Плановое хозяйство, 1926. – 124 с. – URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/lubny-gertsyk/lubny-gertsyk.pdf> (дата обращения: 15.05.2021). – Текст : электронный.

3. «Отправьте нас, беженцев, на свои родимые места...» : беженцы I Мировой войны на Урале, начало 1920-х гг. : документы ГАСО / предисл., подгот. и коммент. Н. А. Михалева. – Текст : электронный // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2012. – № 1 (34). – С. 134–146. – URL : [http://ural-hist.uran.ru/pdf/UIV_1\(34\)_2012_Mihalev.pdf](http://ural-hist.uran.ru/pdf/UIV_1(34)_2012_Mihalev.pdf) (дата обращения: 02.04.2021)

UDC 27

RELIGIOUSNESS OF REFUGEES LIVING IN THE TERRITORY OF TAMBOV PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR: 1914 - 1918

Oleg Yu. Levin

Master of Religious Studies,
Senior Lecturer Department of Biblical
Studies, Theology and Church History
Tambov Theological Seminary
E-mail: eshten@gmail.com

For citation: Levin O.Yu. Religiousness of refugees living in the territory of Tambov province during the first World War: 1914-1918 // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2021, no. 3 (16), pp. 107–123 (in Russian) DOI: [10.51216/2687-072X_2021_3_107](https://doi.org/10.51216/2687-072X_2021_3_107)

Abstract

The article is devoted to the internally displaced persons of the First World War, who found their new places of residence in Tambov province. It was assumed that the period of refugee status would not last long, but it lasted for many years. People lived in terrible conditions, without means of subsistence, torn from their usual environment. But even when they found themselves in an unfavorable situation, the refugees continued to receive religious care from the clergy of Tambov diocese. After the revolution of 1917, when parts of the former Russian Empire began to gain their own independence and such states as Poland and Lithuania appeared, the refugees acquired the status of repatriates. The new Governments of these States made a careful selection among them, trying to make sure that no persons undesirable from the point of view of the new Governments entered the territory of these States. This further delayed the process of returning refugees to their homeland, and some were forced to stay in Russia forever. The religiousness of the refugees during this period is difficult to assess, since in the conditions of the Civil War and the open persecution of the Church, the clergy could not fully organize spiritual care for the refugees.

Key words: Tambov diocese, World War I, refugees, refugee committees, national committees, repatriates, clergy.

References

1. Belova I.B. Sud'ba bezhentsev Pervoi mirovoi voyny iz Zapadnykh gubernii Yevropeyskoi Rossii i Pol'shi v Sovetskoj Rossii v 1920 godu [The fate of the refugees of the First World War from the Western provinces of European Russia and Poland in Soviet Russia in 1920]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University], Kalinin-grad, 2012, issue 6, Humanities, pp. 110-117. – (in Russian). Available at: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/230/sgmzdb-wuqmrr_110-117.pdf (accessed: 15.05.2021).
2. Lubny-Gertsyk L.I. Dvizhenie naseleniya na territorii SSSR za vremya mirovoi voyny i revolyutsii [Population movement on the territory of the USSR during the world war and revolution]. Moscow, Planned Economy Publ., 1926, 124 p. (in Russian). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/lubny-gertsyk/lubny-gertsyk.pdf> (accessed: 15.05.2021).
3. “Oprav'te nas, bezhentsev, na svoi rodimye mesta...”: bezhentsy I Mirovoi voyny na Urale nachalo 1920-kh gg. [“Send us, refugees I World War on the Ural at the beginning of 1920s”].

Левин Олег Юрьевич. Религиозность беженцев, проживавших на территории Тамбовской губернии в период Первой мировой войны: 1914–1918 годы

gees, to our birthplaces ...”: refugees from World War I in the Urals in the early 1920s]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], Yekaterinburg, 2012, no. 1 (34). pp. 134-146. (in Russian)